Министерство правды. Как роман «1984» стал культурным кодом поколений

Автор:
Дориан Лински

Министерство правды. Как роман «1984» стал культурным кодом поколений

Дориан Лински

Легендарные книги и писатели

«Я не буду утверждать, что роман является как никогда актуальным, но, черт побери, он гораздо более актуальный, чем нам могло бы хотеться».

Дориан Лински, журналист, писатель

Из этой книги вы узнаете, как был создан самый знаменитый и во многом пророческий роман Джорджа Оруэлла «1984». Автор тщательно анализирует не только историю рождения этой знаковой антиутопии, рассказывая нам о самом Оруэлле, его жизни и контексте времени, когда был написан роман. Но и также объясняет, что было после выхода книги, как менялось к ней отношение и как она в итоге заняла важное место в массовой культуре. Лински рассуждает, как вышло так, что цифры 1984 знакомы и подсознательно понятны даже тем, кто не читал этого произведения.

К истории Оруэлла обращались и продолжают обращаться до сих пор. Его книги продаются огромными тиражами по всему миру. Оруэлл придумал и дал жизнь фразам «Большой Брат» и «холодная война», без которых мы уже не представляем XX век. И между тем «1984» – это не книга об отчаянии, а книга о надежде, что все кошмары, описанные в ней, никогда не сбудутся.

Автор этой захватывающей литературной истории Дориан Лински – британский журналист и писатель, постоянный колумнист The Guardian.

Дориан Лински

Министерство правды. Как роман «1984» стал культурным кодом поколений

Посвящается Люси, Элеонор и Розе

Dorian Lynskey

THE MINISTRY OF TRUTH:

A BIOGRAPHY OF GEORGE ORWELL’S 1984

Copyright © Dorian Lynskey 2019

© Андреев А., перевод на русский язык, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

* * *

Грустно думать о том, что в наш век нам гораздо проще верить в дистопии или антиутопии. Утопии мы можем себе только представлять, а антиутопии у нас уже были.

Маргарет Этвуд

Есть правда и есть неправда, и, если ты держишься правды, пусть наперекор всему свету, ты не безумен[1 - Здесь и далее цитаты из романа Дж. Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» приводятся в переводе Виктора

Голышева.].

Джордж Оруэлл, «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый»

Вступление

Декабрь 1948 года. Остров Джура. Мужчина лежит в кровати и печатает на печатной машинке. Он стремится закончить книгу, которая для него важнее, чем все его остальные произведения. Он очень болен. Он закончит эту книгу и спустя год умрет.

Январь 2017 года. Вашингтон. Другой мужчина стоит перед группой людей. Эта группа людей недостаточно большая, не такая, как ему хотелось бы. Он принимает присягу сорок пятого президента США. Позднее пресс-секретарь президента говорил, что «инаугурацию по всему миру наблюдало и на церемонии присутствовало самое большое количество людей. Точка»

. Когда одного из советников просят объяснить эту наглую ложь, тот утверждает, что это заявление было основано на «альтернативных фактах»

. В последующие четыре дня продажи книги уже давно ушедшего человека увеличиваются почти на 10 000 процентов, и она становится бестселлером № 1 в США.

Когда роман Джорджа Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» впервые был опубликован в Англии 8 июня 1949-го, то есть в середине прошлого века, один критик задавался вопросом о том, как долго актуальная для своего времени книга может продолжать оставаться популярной среди читателей последующих поколений. Спустя тридцать пять лет после выхода книги, когда многое из того, что описывал Оруэлл в романе, стало реальностью, но мир все же не стал таким ужасным, многие предполагали, что книга перестанет

пользоваться популярностью. Прошло еще тридцать пять лет. Роман Оруэлла продолжает оставаться книгой, к которой мы обращаемся каждый раз, когда попирают правду, извращают язык, превышают полномочия власти и когда мы пытаемся понять, куда это может всех нас привести. Мы обращаемся к творчеству писателя, жившего много лет назад, но достаточно прозорливого, чтобы увидеть несправедливости, и достаточно талантливого, чтобы отразить это в романе, который автор антиутопии «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесс назвал «апокалиптическим кодексом наших самых страшных кошмаров»

.

Были не просто проданы десятки миллионов экземпляров романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый», книга буквально закрепилась в подсознании многих людей, которые ее даже не читали. Придуманные Оруэллом выражения и идеи стали частью языка политики, нисколько не потеряв своей актуальности после многих лет активного использования. Это такие слова и выражения, как новояз, Большой Брат, полиция мыслей, комната 101, двухминутка ненависти, двоемыслие, телекран, дыра памяти, нелица, 2 + 2 = 5 и министерство правды. Роман неоднократно вспоминали во время календарного 1984 года, а фраза «оруэллианский» стала синонимом всего того, что автор боялся и ненавидел. Роман адаптировали для кино, ТВ и радиопостановок, театра, оперы и балета. Был написан сиквел («1985», автор Дьёрдь Далош), роман был переписан в стиле постмодернизма («Месть Оруэлла: Палимпсест 1984» Питера Хубера), было высказано бесчисленное количество возражений, а также прошло несчетное количество споров и диспутов. Сам процесс написания книги лег в основу драмы «Хрустальный дух: Оруэлл на острове Джура» (1983, BBC), а также романа Дениса Гловера «Последний человек в Европе: “Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый”». Роман Оруэлла оказал влияние на художественные произведения, кинофильмы, пьесы, ТВ-передачи, комиксы, музыкальные альбомы, рекламные ролики и кампании, публичные выступления и избирательные кампании, а также даже на ряд народных волнений и восстаний. Люди сидели в тюрьме за то, что читали этот роман. Его безусловное влияние на мировую культуру и его авторитет неоспоримы, вряд ли с ним может сравниться какое-либо другое литературное произведение прошлого века. Хотя некоторые критики, например Милан Кундера и Гарольд Блум, писали о том, что «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» является плохим романом, с невнятно прописанными героями, скучной и безрадостной прозой, но и они не отрицали его значения. По словам издателя Оруэлла Фредерика Варбурга, роман получился удивительно успешный для литературного произведения, которое «не написано для того,

чтобы понравиться, и является достаточно сложным для понимания»

.

Цена широкой популярности любого художника – это гарантия того, что его будут понимать неправильно. О «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертом» люди гораздо больше наслышаны, чем по-настоящему его понимают. Моя книга – это попытка рассказать о том, чем является этот роман, как Оруэлл его написал и как это произведение повлияло на наш мир спустя много лет после выхода. Значение художественного произведения никогда не ограничивается намерениями его создателя, а говоря о намерениях Оруэлла, можно утверждать, что их зачастую искажают или игнорируют, поэтому стоит поговорить о его романе, чтобы понять его как книгу, а не как набор расхожих цитат. Роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» – это произведение искусства и определенное миропонимание.

Эта книга – история романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». Существует несколько биографий Оруэлла и несколько академических исследований интеллектуального содержания романа, но никто не пробовал объединить эти два направления, а также описать влияние книги на мировую культуру. Я заинтересовался жизнью Оруэлла исключительно для исследования пути, который привел его к пониманию того, что систематически уничтожается все, что ему дорого, – честность, приличия, справедливость, память, история, ясность, здравый смысл, благоразумие, Англия и любовь. Это означает, что рассказ начнется с 1936 года, когда он поехал воевать в Испанию. Именно в Испании Оруэлл понял, как с помощью политических уловок можно извратить мораль, язык и правду. Я буду писать о том, что он делал во время Второй мировой войны, как служил в ополчении, работал на BBC, о литературном Лондоне и том, как он уехал на остров Джура, где и написал свой роман. Я не сторонник историй о том, что «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» – это вой тоски одинокого и умирающего человека, у которого не было будущего. Я хочу понять, что он думал и как пришел к выводам, которые у него появились.

Оруэлл писал «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» для того, чтобы это произведение стало квинтэссенцией идей, которые он развивал всю свою жизнь. Роман стал результатом многолетних размышлений, писательской работы и чтения об утопиях, супергосударствах, диктаторах, заключенных, пропаганде, технологиях, власти, языке, культуре, классах, сексе, жизни в деревне и крысах

и о множестве других вещей, которые смешались до такой степени, что уже невозможно определить источник, подтолкнувший его к той или иной мысли или фразе. Несмотря на то что он сам очень мало говорил о том, как зародилась и развивалась в его уме эта книга, мы можем обратиться к его записям объемом несколько тысяч страниц. Даже если бы Оруэлл не умер, а прожил еще несколько десятков лет, после романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый», поставившего определенную точку в его творческом пути, ему бы пришлось как бы заново начинать свою писательскую карьеру. В первой части книги я расскажу об Оруэлле и мире, в котором он вращался: о людях, с которыми общался, новостях, за которыми следил, и о книгах, которые читал. Три главы посвящены творчеству писателей, повлиявших на создание романа Оруэлла: произведениям Герберта Джорджа Уэллса и роману Евгения Замятина «Мы», а также литературным жанрам утопии и антиутопии. Оруэлл был знаком со всеми упомянутыми книгами, фильмами и пьесами, если только нет соответствующей оговорки. Во второй части книги – исследование влияния романа Оруэлла на культурную и политическую жизнь, начиная со смерти автора и до настоящего времени. Мы будем говорить об Олдосе Хаксли и Эдварде Моргане Форстере, Уинстоне Черчилле и Клементе Эттли, Айн Рэнд и Джозефе Маккарти, Артуре Кёстлере и Ханне Арендт, Ли Харви Освальде и Эдгаре Гувере, Маргарет Этвуд и Маргарет Тэтчер, ЦРУ и BBC, Дэвиде Боуи и сериале «Заключенный», о кинокартинах «Бразилия» и «Лига выдающихся джентльменов», «Заводной апельсин» и «Дитя человеческое», Эдварде Сноудене и Стиве Джобсе, Ленине, Сталине и Гитлере. Мы затронем вопросы о связи романа с современной политической ситуацией, а иногда эта связь будет понятной без каких-либо моих дополнительных комментариев. Мне не хотелось бы указывать на совершенно очевидные вещи, поэтому прошу читателя при чтении текста просто иметь в виду власть, которая нами сейчас управляет.

Несколько слов о терминологии. Определение «оруэллианский» имеет два противоположных значения. Это то, что имеет отношение к стилю и ценностям писателя Оруэлла, а также события и положение дел в современном мире, угрожающие этим ценностям. Во избежание неправильных толкований я буду использовать определение только во втором значении, а для первого значения буду использовать фразу «в стиле Оруэлла» (Orwell-like). Кроме того, я буду использовать британское написание названия романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый», а не «1984» (числовое обозначение названия романа будет использовано только в цитатах других людей). Мне кажется, что буквенное написание выглядит и воспринимается серьезнее.

«Успех Оруэлла объясняется тем, что он писал правильные книги в правильное время»

, – подчеркивал философ Ричард Рорти. До издания повести «Скотный двор» и романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» Оруэлл был, бесспорно, заметным человеком в литературных и политических кругах Британии, но не популярным. Сейчас постоянно переиздаются его труды, включая и те, которые он сам считал неудавшимися экспериментами и литературной поденщиной. При желании можно прочитать практически все сохранившиеся до наших дней документы, когда-либо написанные Джорджем Оруэллом. Все это благодаря титаническому труду профессора Питера Дэйвисона, составившего полное собрание сочинений писателя[2 - Полное собрание сочинений Джорджа Оруэлла состоит из 21 тома, в собрании почти девять тысяч страниц и два миллиона слов.]. Читатели первого издания романа в 1949-м знали об Оруэлле гораздо меньше, чем могли бы знать сейчас.

Прекрасно понимая, что Оруэлл очень внимательно относился к тому, чем делиться с широкой публикой, я читал некоторые его тексты не без чувства вины. Писатель был бы в ужасе от повторной публикации большинства своих журналистских работ, не говоря уже о личной переписке. Тем не менее практически все эти материалы стоят того, чтобы с ними ознакомиться. Даже когда он был болен, чувствовал, что устал от работы, отчаянно стремился писать что-то другое, Оруэлл постоянно обдумывал проблемы, многие из которых затронул в своем самом известном романе. Он отказывался подчиняться идеологии или какой угодно линии партии, и даже тогда, когда оказывался неправ (что случалось довольно часто), он был неправ совершенно искренне. Оруэлл обладал тем, что Чарльз Диккенс называл «свободным умом»

. Оруэлл не был уникальным гением (в связи с этим я хотел бы рассказать о некоторых его менее известных современниках), но он был единственным писателем своей эпохи, которому удалось так много сделать хорошо.

Школьный друг Оруэлла Сирил Коннолли вспоминал, что в нем «что-то светилось, отчего хотелось, чтобы ты нравился ему чуточку больше»

. Именно это качество прослеживается в творчестве Оруэлла и заставляет его поклонников стремиться поступать так, чтобы получить воображаемое

одобрение писателя. У меня нет никакого желания представлять святым человека, весьма скептически относившегося к святым, утопиям и перфекционизму в целом. Я могу говорить об этом человеке и о его романе, только будучи совершенно откровенным по поводу его недостатков и совершенных им ошибок. Несмотря на то что его проза создавала иллюзию того, что ее автор – приличный и здравомыслящий человек, говорящий очевидные вещи, которые читатель подсознательно знал или о которых догадывался, Оруэлл как человек мог быть резким, раздражительным, извращенным, склонным к преувеличениям и в определенных вопросах крайне ограниченным. Несмотря на его ошибки, мы ценим Оруэлла и его творчество потому, что он оказался прав по многим вопросам оценки фашизма, коммунизма, империализма и расизма, в то время когда были неправы те, кто по своему положению должен был бы лучше разбираться в сложившейся ситуации.

Оруэллу казалось, что он живет в проклятую эпоху. Он мечтал о другой жизни, в которой мог бы посвятить себя садоводству и написанию художественной литературы, а не о том, чтобы находиться в ситуации, «заставившей стать автором памфлетов»

. Но жизнь сложилась так, как она сложилась. Оруэлл обладал талантом, который помог ему проанализировать и объяснить события этой бурной проклятой эпохи. Его основные ценности – честность, порядочность, стремление к свободе и справедливости – кажутся слишком общими, если перечислить их списком, однако мало кто из его современников в сложные годы XX века так серьезно относился к этим ценностям в личной и общественной жизни. Оруэлл всегда стремился говорить правду и уважал тех, кто так поступал. По его мнению, каким бы соблазнительным и удобным ни казалось все то, что построено на лжи, оно не имело никакой ценности. Его честность была напрямую связана со стремлением понять, почему он думает именно так, а не иначе, и постоянной готовностью провести переоценку взглядов. Один из страстных поклонников творчества Оруэлла писатель Кристофер Хитченс говорил: «Имеет значение не то, что тыд умаешь, а то, как ты это думаешь»

.

Я хочу, чтобы у читателя сложилось четкое представление о том, каким было отношение Оруэлла к важнейшим проблемам своего времени, как и почему это отношение менялось. Я не собираюсь гипотетически рассуждать о том, как мог

бы Оруэлл отнестись, скажем, к Брекситу. Подобные умозрительные рассуждения можно, конечно, было бы подкрепить определенными цитатами, но такой подход мне не близок. Помнится, что в 1993 году премьер-министр от консерваторов Джон Мейджор процитировал строчку из Оруэлла: «Старые девы едут на велосипедах к святому причастию в утреннем осеннем тумане»

, совершенно позабыв о том, что эта цитата взята из эссе «Лев и единорог», в которой писатель выступил со страстной защитой социализма. Когда на посвященном самым запредельным конспиралогическим теориям сайте InfoWars цитируют Оруэлла, можно быть уверенным в том, что понятие двоемыслия является совершенно реальным.

Социалисты, консерваторы, анархисты, либералы, католики и либертарианцы самых разных мастей утверждали, что роман отражает их ценности и взгляды, а Милан Кундера считал, что произведение Оруэлла является «политической мыслью, замаскированной под роман»

. Бесспорно, что роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» представляет собой не такую ясную и понятную аллегорию, как, скажем, «Скотный двор», в котором связь повествования с реальным миром является более очевидной. На самом деле достаточно простая проза Оруэлла создает сложный и многогранный мир. Роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» часто называют антиутопией, хотя его с таким же успехом, а также в той или иной мере можно было бы назвать сатирой, предупреждением, политической декларацией, психологическим триллером, шпионским романом, готическим кошмаром, произведением постмодернизма или любовной историей. Большинство людей читают роман в юности или молодости, он их ранит, производит колоссальное впечатление. (В книге, пожалуй, описано больше страданий и содержится меньше оптимизма, чем в любом другом литературном произведении, входящем в школьную программу.) После чего уже мало кто перечитывает произведение во взрослом возрасте. А это, конечно, немного печально. В зрелом возрасте этот роман кажется еще более странным и насыщенным, чем многие помнят его по первому с ним знакомству, и я настоятельно рекомендую вернуться к нему. Как бы там ни было, но в приложении я дал его краткое содержание, описал героев и напомнил ключевые понятия.

Сам я впервые прочитал роман в подростковом возрасте, проживая в южной части Лондона. Как говорил сам Оруэлл, книги, которые мы читаем в молодости, остаются с нами навсегда. Роман впечатлил меня. Но надо иметь в виду то, что дело происходило в 1990 году, когда было очевидно, что коммунизм и апартеид уходят с исторической сцены, положение дел в мире не казалось таким уж оруэллианским, а общее настроение было позитивным. Даже после терактов 11 сентября в США актуальность романа не сильно выросла, его цитировали в контексте политического языка, СМИ или слежки за гражданами, но не для описания ситуации в целом. Демократия шагала по планете, и большинство людей считало, что интернет – это что-то исключительно положительное.

Однако пока я планировал написание этой книги и работал над ней, ситуация изменилась. Люди с тревогой начали вспоминать политические события 1970-х и, что гораздо хуже, 1930-х. В книжных магазинах появились издания с названиями «Как кончается демократия, предупреждение о фашизме», «Дорога в несвободу» и «Смерть правды», в которых обильно цитировали Оруэлла

. Вышло новое издание «Истоков тоталитаризма» Ханны Арендт, которое рекламировали как «нон-фикшн концовка романа “Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый”»

. Переиздали и написанный в 1935 году роман «У нас это невозможно» Синклера Льюиса об американском фашизме. Вышел довольно тревожный сериал «Рассказ служанки», адаптированный по роману, написанному Маргарет Этвуд в 1985-м. Героиня романа Фредова, роль которой исполняет Элизабет Мосс, говорит: «Раньше я спала. Вот так мы все это и пропустили»

. Но мы-то уже не спали. Эта реплика напомнила мне цитату, которую Оруэлл написал о фашизме в 1936-м: «Если вы делаете вид, что это всего лишь аберрация, которая исчезнет сама по себе, то вы видите сны, которые закончатся, когда кто-нибудь ударит вас резиновой дубинкой»

. Роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» – это книга, которая должна была «разбудить» людей.

«Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» стал первым полноценным романом-антиутопией, написанным с пониманием того, что антиутопия является совершенно реальной. Эту антиутопию уже создали в Германии и СССР продолжал создавать в странах Восточной Европы, в которых одни люди заставили других жить и умирать за железным занавесом. Сейчас эти режимы исчезли, но роман Оруэлла продолжает напоминать нам о самых страшных кошмарах, форма и содержание которых могут постоянно меняться. «Для меня это греческий миф. Бери его и делай с ним все что хочешь, чтобы исследовать самого себя»

, – говорил Майкл Рэдфорд – режиссер экранизации романа, сделанной в 1984-м. «Это зеркало, в котором каждая эпоха видит свое отражение»

, – утверждал в 2013-м один из актеров театральной постановки, сделанной Робертом Ике и Дунканом Макмилланом. Певец Билли Брэгг утверж дает: «Каждый раз, когда я его перечитываю, он кажется мне совершенно другим»

.

То, что в наше время роман не потерял своей актуальности, можно воспринимать как обвинение и политиков, и граждан. Этот роман является предупреждением, а также напоминанием о неприятных уроках, о которых мы, кажется, позабыли после смерти писателя, в особенности тех, которые говорят о том, какой слабой может быть правда по сравнению с властью. Я не буду утверждать, что роман является как никогда актуальным, но, черт побери, он гораздо более актуальный, чем нам могло бы хотеться.

Надеясь, что мой рассказ не слишком искажает действительность, я все же убежден, что, описывая такие события, никто не может оставаться совершенно объективным.

Часть I

1

История остановилась

Мы живем в мире, в котором никто не является свободным, практически никто не чувствует себя в безопасности, в котором почти невозможно быть честным и остаться в живых

.

Оруэлл, «Фунты лиха в Париже и Лондоне», 1937

Незадолго до Рождества 1936 года Джордж Оруэлл вошел в здание лондонской редакции The New English Weekly. Он был одет, словно отправляется в путешествие, и в руке у него был тяжелый чемодан. Оруэлл заявил: «Я отправляюсь в Испанию»

.

– Зачем? – удивился слегка пижонского вида француз Филип Майре, он же редактор издания.

– Кто-то же должен остановить фашизм, – последовал ответ.

Кем был этот стоявший в кабинете Майре тридцатитрехлетний человек? Какое впечатление он производил? Он был 192 сантиметров ростом и носил обувь 45-го размера. У него были крупные выразительные руки. Казалось, что его руки и ноги были приклеены к телу, и складывалось ощущение того, что он не очень хорошо понимал, что с ними делать и куда деть. Лицо его было бледным, худым и казалось слишком рано состарившимся. Вокруг рта легли настолько глубокие морщины, что казалось, будто он долго и благородно страдал, и из-за них друзья зачастую сравнивали его с Дон Кихотом или святым с картины Эль Греко. У Оруэлла были светло-голубые глаза, светившиеся умом и состраданием. На его губах часто появлялась ироническая улыбка, и иногда он разражался громким смехом. Волосы на голове торчали, словно на щетке из щетины. Одежда на нем

была поношенная. Казалось, что она висит, как на вешалке. Аккуратной была лишь тонкая линия подстриженных усиков. От него пахло жженным табаком и, по утверждению некоторых, сложно определимым запахом болезни. Говорил он сухо, хрипло и монотонно, старался избегать акцента и выговора представителей высшего класса, но в его речи слышались неистребимые нотки человека, который получил образование в Итонском колледже. При первом знакомстве он производил впечатление отстраненной персоны, этакий сухой и педантичный чудак. Те, кому довелось узнать его ближе, вскоре говорили, что, несмотря на свою внутреннюю сдержанность, он был человеком щедрым и с хорошим чувством юмора. Он твердо верил в то, что надо много работать и скромно отдыхать. Оруэлл незадолго до этого женился на умнице и выпускнице Оксфорда Эйлин О’Шонесси. Он интересовался политикой, но не был приверженцем той или иной идеологии. За плечами у него был большой жизненный опыт, ему пришлось много путешествовать, и он говорил по-французски.

Важно также понимать, кем Оруэлл тогда не был. Он еще не был известным писателем, убежденным социалистом и экспертом в вопросах тоталитаризма. Он был всего лишь Джорджем Оруэллом. Испания вдохновила и изменила его, стала поворотным пунктом всей его жизни.

Позднее он говорил своему другу Артуру Кёстлеру: «История остановилась в 1936 году»

. Оруэлл имел в виду тоталитаризм и Испанию. История остановилась, и начался «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый».

«Приблизительно где-то до тридцати лет я всегда планировал свою жизнь не только исходя из предположения о том, что любое мое серьезное предприятие обречено на провал, но и из того, что мне суждено прожить всего несколько лет»

, – писал Оруэлл в середине жизни.

Оруэлл, или, как его тогда звали, Эрик Блэр, родился в Индии 25 июня 1903 года. Его мать Ида, наполовину француженка, вращалась среди фабианцев и

суфражисток и была умной барышней. Когда Эрику исполнился год, они с матерью отправились в Англию. Его отец Ричард Блэр, чиновник среднего ранга, работал в Опиумном департаменте британской колониальной администрации. Он снова появился в жизни сына в 1912-м в виде «престарелого мужчины преклонного возраста, бесконечно говорившего “Не надо”». В романе Уинстона Смита преследуют мысли о детской измене матери и сестры, но он практически не помнит своего отца.

По его собственным словам, Оруэлл родился в социальной среде «нижней части верхней прослойки среднего класса»

. Не самый благополучный пласт английской классовой системы, представители которой имели манеры и претензии богачей, но не их капиталы, поэтому тратили большую часть своих денег на то, чтобы «поддерживать соответствующий внешний вид». Позднее Оруэлл со смущением, стыдом и отвращением писал о том, что в юности был «одиозным маленьким снобом»

, то есть именно тем, кем его должны были сделать принадлежность к своему классу и полученное образование. «Снобизм, если его не вырвать с корнем, как сорняк, так и остается с тобой до могилы». В возрасте с восьми до тринадцати лет он обучался в небольшой частной школе св. Киприана в Суссексе, которую люто ненавидел до конца жизни. «Неудача, неудача, неудача, неудача в прошлом, неудача в будущем – вот самое глубокое убеждение, которое я вынес»

.

В 1940 году появилось издание «Писатели XX века», для которого Оруэлл коротко писал о себе так: «В период 1917–1921 я учился в Итоне. Мне повезло, и я попал туда по стипендии, я не трудился и мало чему научился и не считаю, что образование в Итоне оказало на меня существенное влияние»

. Вполне возможно, что Оруэлл преувеличивал презрение, которое коммерческие ученики испытывали к тем, кто обучался по стипендии, но бесспорным остается то, что студентом он был посредственным и мучился от чувства одиночества и от того, что находился не на своем месте. В колледже его считали «большевиком», хотя все разговоры о социализме были просто модной позой, не

имеющей под собой никакого серьезного убеждения. Один из однокурсников вспоминал: «Он был болезненно обидчивым мальчиком, которому нравилось, чтобы вокруг было все не так. Было ощущение, что он считает, будто смысл его жизни в том, чтобы все вокруг него было правильно»

. Другой однокурсник говорил: «Он был скорее насмешником, чем бунтарем. Всегда словно стоял в стороне и постоянно наблюдал. Постоянно»

.

После окончания обучения в Итоне Оруэлл не стал поступать в университет, а поступил на службу в рядах английской полиции в Бирме, в стране, в которой выросла его мать. Это странное решение он никогда не объяснял ни друзьям, ни читателям. На время он отодвинул планы стать писателем, но пребывание в Бирме дало ему материал для вполне приличного романа («Бирманские дни»), двух очень хороших эссе: «Казнь через повешение» и «Как я стрелял в слона», а также укрепило веру в то, что живой жизненный опыт ничем не заменишь. Оруэлл недолюбливал интеллектуалов и даже само это слово часто писал, используя «иронические» кавычки. Интеллектуалы, по его мнению, полностью полагались на теорию и предположения, а он никогда до конца ни во что не верил, если это пережил. Утверждение «Чтобы ненавидеть империализм, ты должен стать его частью»

является, конечно, ошибочным обобщением, но в его случае это заявление было правильным. На языке Оруэлла «ты» часто означало «я».

Бирма оказалась для него аверсионной терапией, или лечением посредством выработки условно-рефлекторной реакции отвращения. Он увидел, как власть извращает и делает ограниченными членов правящего класса и каким лицемерием все это прикрывается. С тех пор у него появилось отвращение к подавлению любого толка, и на короткий промежуток времени он стал кем-то вроде анархиста. Но вскоре решил, что все это «сентиментальная ерунда»

. Оруэлл вернулся в Англию в 1927-м (на самом деле поехал в отпуск, да так и остался) с ощущением «невероятной тяжести груза, который я должен искупить»

. Чисто практически это выразилось в мазохистском желании ставить себя в неудобные и даже опасные для жизни ситуации. «Как можно писать о бедных, если ты сам хотя бы на время не станешь бедным?»

– спросил он однажды своего друга. Познакомившийся в то время с Оруэллом библиотекарь проницательно отметил, что тот находился «в процессе перестройки самого себя»

.

Заявив, что у него «не было интереса к социализму и каким-либо другим экономическим теориям»

, Оруэлл решил оказаться в мире угнетенных – тех, кто, не имея работы, собственности или какого угодно статуса, вышел за рамки классовой системы, а скорее опустился на дно общества. В конце 1920-х годов Оруэлл много и плотно общался с английскими бомжами и работал посудомойщиком в парижском ресторане. «Это как бы мир внутри мира, маленькая нищенская демократия, пожалуй, максимальное приближение к демократии»

, – писал он. Редактор журнала The Adelphi Ричард Риз говорил, что Оруэлл выбрал этот путь «в качестве покаяния и искупления, для того чтобы смыть с себя налет империализма»

. Эта nostalgie de la boue/ностальгия по грязи предвосхитила вылазки героя романа Уинстона Смита в населенные пролами районы. Так в 1933 году появилась повесть Оруэлла «Фунты лиха в Париже и Лондоне».

С появлением этот повести появился и новый автор – Джордж Оруэлл. Писатель взял псевдоним, для того чтобы не шокировать членов своей семьи, а также в качестве предосторожности и возможности дистанцироваться от издания, если его писательская карьера не будет успешной. Впрочем, ему никогда не нравилось собственное имя Эрик, так что он хотел его изменить. Оруэлл – название реки, протекающей в графстве Суссекс. Это сугубо английское

название понравилось ему больше, чем такие чисто английские псевдонимы, как Кеннет Майлз, Пи. Си. Бертон и Эйч. Льюис Олвэйз. Выбранный им псевдоним оказался удачным – прилагательное «олвэйзианский», на мой взгляд, звучит не особо грациозно и привлекательно.

К 1936-му Оруэлл был автором трех романов, одной книги нон-фикшн, нескольких довольно слабых стихов и ряда журналистских работ. Достигнутые им успехи не сулили успешной карьеры. Он выживал при помощи дополнительных заработков – работал учителем и продавцом в книжном магазине. В 1936 году вышел его третий роман «Да здравствует фикус!», в котором он нарисовал свой собственный достаточно мрачный автопортрет. Главный герой романа Гордон Комсток – выходец из слоев «захудалого, но благородного»

среднего класса. Гордон мечтает стать писателем и зарабатывает на жизнь продавцом в книжном магазине. Ему еще «нет и тридцати, но он уже изрядно потрепан[3 - Перевод Веры Домитеевой. – Примеч. перев.]. Очень бледный, с неистребимо горькими морщинами»

. Его пессимизм, мизантропия и жалость к самому себе принимают настолько клаустрофобические масштабы, что признание буржуазных ценностей, которые символизирует комнатное растение фикус, становится своего рода катарсисом. Комсток – это карикатура на самого Оруэлла, изображение того, каким бы мог стать сам автор романа, если бы поддался мрачным и горестным настроениям.

В январе 1936-го Оруэлл принимает предложение издателя Виктора Голланца – энергичного и достаточно грубого человека еврейской национальности, симпатизирующего социалистам. Голланц ангажирует Оруэлла на исследование тяжелой доли рабочих на севере Англии. В следующем году вышла первая часть книги «Дорога на Уиган-Пирс», ставшая блестящим примером социальной журналистики, где автор при помощи яркого описания видов, звуков, запахов и вкусов вызывает сострадание читателя к тяжелой судьбе рабочего класса. Увиденная и описанная в книге сцена, в которой женщина стоит на коленях, пытаясь прочистить засор в трубах, настолько поразила воображение писателя своей жестокой банальностью, что спустя много лет он возродил ее в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». Оруэлла поразило выражение на ее

лице, и он написал: «Она хорошо понимала, что с ней происходит»

. Чтобы раскрыть характер персонажа (будь то Диккенс, Гитлер, испанский ополченец или Большой Брат), он часто упоминал или описывал лица. В романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» во Взлетной полосе I (то бишь в Англии) существует понятие «лицепреступления»

– придание неположенного выражения лицу, что уже являлось наказуемым преступлением. О’Брайен говорит о тирании как «сапоге, топчущем лицо человека – вечно»

.

Несмотря на то что Оруэлл сознательно преуменьшает радости жизни рабочих, чтобы показать их страдания, в первой части «Дороги на Уиган-Пирс» он описывает их как живых людей, а не цифры статистики, символизирующие угнетенные массы. «Боюсь, что некоторые части книги я запорол»

, – говорил Оруэлл писателю, выходцу из рядов пролетариата Джеку Коммону. Скорее всего, Оруэлл имел в виду более эссэистскую вторую часть книги, о которой позднее говорил, что она не стоит того, чтобы ее перепечатывать.

Начало второй части книги представляет собой подобие мемуаров, в которых Оруэлл с подкупающей искренностью описывает эволюцию своего политического сознания. Он рассказывает о том, что с рождения его учили «ненавидеть, бояться и презирать рабочий класс»

, и эта его история делает книгу как личным покаянием, так и образовательным материалом. Правда, при этом в ней содержалось много сумбурной полемики. Оруэлл предполагал, что социализм действительно необходим, а отсутствие его популярности объясняется имиджем, который «отгоняет от него людей, которые должны собираться для того, чтобы его поддержать»

. Он считал, что представление о социализме не дает людям понять фундаментальные основы этой системы, поддерживающей идеалы справедливости, свободы и приличий. По мнению Оруэлла, это происходило, главным образом, по двум причинам. Первая – в социализме присутствует культ машин, что вызывает в умах людей малопривлекательные картины «аэропланов, тракторов и огромных блестящих фабрик из стекла и бетона»

. Вторая причина – это капризность среднего класса. Оруэлл упорно не хочет замечать существование социалистов в среде рабочего и профсоюзного движения, поэтому продвигает свои собственные эксцентричные предрассудки через воображаемый менталитет простого человека, критикуя фетиши и слабости, благодаря которым им (то есть ему) социализм кажется непривлекательным. Среди этих фетишей и слабостей он называет вегетарианцев, трезвенников, нудистов, квакеров, любителей сандалий, фруктовых соков, марксистского жаргона в виде слова «товарищ», людей, носящих рубашки фисташкового цвета, «топящих» за ограничение рождаемости, йогу, бороды и Уэлин-Гарден-Сити – городок в графстве Хартфордшир, спланированный и построенный на утопических принципах[4 - Для объединения преимуществ города и деревни, чтобы избежать недостатков и того, и другого. – Примеч. перев.]. Несмотря на то что Оруэлл утверждает в книге, что завел этот разговор исключительно из любви к искусству, складывается ощущение того, что ему больше хочется посмеяться над причудами и странностями меньшинства социалистов, чем обсуждать и защищать другие формы социализма. После таких заявлений он заканчивает «Дорогу на Уига н-Пирс» призывом к «левым» всех мастей и телосложений забыть о разногласиях и выступить вместе»

, который сложно воспринимать серьезно.

Подобные заявления не особо понравились издателю Голланцу, который незадолго до этого вместе с парламентарием от партии лейбористов Джоном Стрейчи и политологом Гарольдом Ласки основал «Клуб левой книги» (Left Book Club) для продвижения социалистических идей. Ласки, а он в то время был самым влиятельным интеллектуалом социалистического толка, назвал первую часть книги «Дорога на Уиган-Пирс» «замечательной пропагандой наших идей»

. Несмотря на это Голланцу пришлось написать соответствующее вступление к изданию для клуба книги Оруэлла, чтобы дистанцироваться от высказанной

второй части, в которой писатель сурово критикует социалистические идеи. В этом вступлении Голланц достаточно прозорливо высказался о парадоксальном характере Оруэлла: «На самом деле он является экстремальным интеллектуалом и одновременно ярым антиинтеллектуалом. Кроме этого он все еще ужасный сноб (и должен простить меня за эти слова) и искренне ненавидит все формы снобизма»

. До самого конца своей жизни Оруэлл признавал, что микробы всего того, что он критикует, живут в нем самом. Понимание своих собственных недостатков подсказывало ему то, что не стоит тешить себя утопическими надеждами на совершенство человека.

Голланц также писал о том, что Оруэлл так и не определил ту форму социализма, которая ему нравится, и не объяснил, как к ней можно прийти. Джон Кимче, работавший вместе с Оруэллом продавцом в книжном магазине и позднее ставший его редактором, называл писателя «инстинктивным социалистом»

и добавлял, что тот был «очень порядочным, но, я бы сказал, не особо разбирающимся в сложных политических и военных вопросах». Какой бы фрагментарной и странной ни была критика Оруэллом социализма, его намерения были самыми искренними. Он считал, что «ничто другое не сможет спасти нас от отчаяния настоящего и кошмара будущего»

, и если социалистические идеи окажутся недостаточно убедительными для рядовых британцев, то народное недовольство обязательно использует кто-нибудь наподобие Гитлера. Британский социализм, писал он, «пахнет запахом сумасшедшей чудаковатости, преклонением перед машинами и глупым культом России. Если нам не удастся быстро избавиться от этого запаха, то фашизм может победить»

.

В тот период, когда Оруэлл написал эти слова, он уже планировал вступить в схватку с фашизмом. Редактор Adelphi Ричард Риз знал Оруэлла с 1930-го, но только когда его друг поехал в Испанию, «начал понимать, что тот был

выдающимся человеком»

.

«Гражданская война в Испании является одним из относительно небольшого количества примеров того, когда широко принятой версией событий является более убедительная версия побежденных в этом конфликте, а не победителей»

, – писал историк Энтони Бивор. Более того, одни из наиболее популярных и читаемых мемуаров, посвященных этой войне, – «Памяти Каталонии» Оруэлла – были написаны человеком, который сражался на стороне изгоев и максимально проигравших даже среди проигравших – Partido Obrero de Unificacio?n Marxista (Рабочая партия марксистского единства), сокращенно ПОУМ (POUM). Согласитесь, что это должно обуславливать довольно специфический взгляд на развитие событий. ПОУМ была небольшой организацией как по количеству членов, так и по влиянию, слабой в военном смысле и политически не очень популярной. Поэтому, когда современники, а позднее и историки утверждали, что книга Оруэлла представляет искаженную картину войны, нельзя сказать, что они были неправы, однако все, что было написано Оруэллом, являлось чистой правдой о той войне, в которой он участвовал.

В феврале 1936 года, в то время когда Оруэлл был в Уигане, избиратели Испанской республики, существовавшей уже пять лет, с небольшим перевесом голосов выбрали правительство Народного фронта, состоявшее из анархистов, социалистов, коммунистов и либеральных республиканцев. Это повергло в ужас опору реакционного монархического движения: представителей церкви и армию. 17 июля, после пятимесячного периода нестабильности, генерал Франсиско Франко поднял мятеж на территории Марокко и Канарских островов, принадлежавших Испании. Началась гражданская война, война фашизма с коммунизмом. Германия и Италия моментально начали поставлять Франко вооружение и предоставлять советников. Франция и Англия не придумали ничего лучше, как ввести эмбарго на поставки оружия республиканцам, поэтому главным союзником республиканцев стал СССР, что в конечном счете имело не самые лучшие последствия.

Оруэлл внимательно следил за развитием гражданской войны в Испании. В самом конце «Дороги на Уиган-Пирс» есть упоминание битвы за Мадрид, которая состоялась в ноябре. Оруэлл отправился в Испанию, чтобы бороться с фашизмом и защищать «самую обычную порядочность»

, но попал в бурлящий котел политических аббревиатур, от которых, как выяснилось, зависело, выживет ли человек или умрет. Необходимо объяснить, что стояло за, как выразился писатель, «чумой аббревиатур»

. Объединенная социалистическая партия Каталонии (ОСПК) была связана с быстро растущей коммунистической партией Испании, которая благодаря помощи СССР была самой хорошо вооруженной группировкой. Существовало два объединения анархистов: Федерация анархистов Иберии (ФАИ) и Национальная конфедерация труда (НКТ). Из рядов Всеобщего союза трудящихся вышел председатель правительства Франсиско Ларго Кабальеро. ПОУМ, во главе которой стоял сорокачетырехлетний Андреу Нин, была марксистской рабочей партией, но ее позиции были не самыми выгодными на политической арене (лидеры партии не признавали Сталина и поругались с Троцким). Между левыми партиями и объединениями шла своя гражданская война. Испанские коммунисты приняли задуманную в Москве стратегию народного фронта – создание союза антифашистских сил с капиталистами. Более того, они настаив али на том, что сначала надо выиграть гражданскую войну, а потом уже делать революцию. Анархисты и ПОУМ считали, что победа над фашистами без революции не только неприемлема, но и невозможна, следовательно, с коммунистами у них были серьезные противоречия.

То, что Оруэлл присоединился именно к ПОУМ, можно задним числом назвать чистым донкихотством. Позднее он писал: «Я не только не интересовался политической ситуацией, но и не имел о ней никакого понятия»

. Оруэлл признался Джеку Коммону в том, что если бы лучше разбирался в политической ситуации, то присоединился бы к анархистам или даже пошел добровольцем в организованные коммунистами интернациональные бригады. Для того чтобы его приняли в ряды вооруженного формирования, Оруэллу нужно было рекомендательное письмо, и он обратился к сталинисту и секретарю коммунистической партии Великобритании Гарри Поллиту, который счел писателя политически ненадежным (коим Оруэлл был и чем страшно гордился) и

в помощи отказал. Помог Феннер Броквей из Независимой рабочей партии (НРП) – небольшой группировки, придерживающейся социалистических взглядов и имевшей дружеские отношения с ПОУМ. Вот таким образом Оруэлл и оказался в ПОУМ. С точки зрения писателя, как ПОУМ, так и НРБ можно было доверять, обе организации осуждали чистки и показательные процессы, происходившие в СССР.

Среди воевавших за республиканцев иностранцев многие, как и Оруэлл, были идеалистами, которых отличало упорство и непонимание отношений левых организаций и фракций. Для борьбы с фашизмом в страну приехали самые разные люди: авантюристы, мечтатели, поэты, сантехники, убежденные марксисты и те, кто не чувствовал себя на родине как дома. Один из добровольцев назвал этих людей «миром, в котором потерянные и одинокие люди могли ощущать свою важность»

. В интернациональных бригадах служило приблизительно 35 000 человек из пятидесяти трех стран и еще 5000 иностранцев воевали в рядах военных образований анархистов и ПОУМ

. Во время гражданской войны Испанию посетили более тысячи журналистов и писателей, включая Эрнеста Хемингуэя, Марту Геллхорн, Антуана де Сент-Экзюпери и поэта Стивена Спендера, который позднее писал: «Частично это была война анархистов, частично – поэтов»

. Мало кто из иностранцев (если кто-либо вообще) до приезда в страну понимал запутанную политическую ситуацию в Испании, но, как писал британский журналист Малкольм Маггеридж: «Было очевидно, что силы добра и зла в Испании наконец сошлись в кровавой битве»

.

Оруэлл выехал из Лондона 22 декабря и направился в Испанию через Париж, в котором посетил американского писателя Генри Миллера, считавшего, что рисковать собственной жизнью ради политических убеждений – глупая блажь, и попытавшегося отговорить Оруэлла. «Этот Оруэлл был по-своему замечательным парнем, который, как я в конце концов решил, оказался просто

глупым, – заявил Миллер много десятилетий спустя. – Как и большинство англичан, он был идеалистом, и, как мне показалось, глупым идеалистом»

. Оруэлл пересек франко-испанскую границу и оказался в Барселоне на второй день после Рождества.

Каталония была полунезависимым регионом, в котором существовала долгая традиция анархизма. После мятежа Франко в Каталонии началось активное антикатолическое движение, в результате которого сожгли много церквей и убили много священников. Представителей буржуазии не трогали, но банки, фабрики, отели, рестораны, кинотеатры и такси экспроприировали и украсили аббревиатурами НКТ и ФАИ. Австрийский писатель Франц Боркенау, с которым подружился Оруэлл, побывал в Испании в августе и застал конец революционного куража. «Это было что-то удивительное. Такое ощущение, словно я приехал на континент, подобный которому никогда не видел»

, – писал австриец. Школьный приятель Оруэлла Сирил Коннолли также побывал в Испании, что сбило с него снобскую спесь. «Казалось, что массы, которым обычно приписывают инстинктивную глупость и желание преследовать, расцвели и превратились в какой-то цветущий сад человечества»

, – писал Коннолли.

Не совсем понятно, что было у Оруэлла в приоритете перед поездкой в Испанию: хотел он сражаться, а потом решил написать про войну, или наоборот. Представитель НРП в Барселоне Джон Макнейр вспоминал, что Оруэлл вошел в его офис и заявил: «Я приехал, чтобы в качестве ополченца бороться с фашизмом»

, но в эссе «Памяти Каталонии» Оруэлл намекает на то, что его главной мотивацией была журналистика. Как бы там ни было, после нескольких дней пребывания в Испании он решил сражаться и писать.

Фронт оказался «плохой имитацией 1914–1918 годов: позиционная война, траншеи, артиллерия, вылазки, снайперы, грязь, колючая проволока, вши и

стагнация»

. Большую часть времени он провел в рядах 29-й дивизии ПОУМ, в траншеях Арагонского фронта, проходивших под местечком Алькубьерре, которое республиканцы защищали от наступлений франкистов из городов Сарагоса и Уэска, там, где имели серьезную поддержку. Оруэлла волновали главным образом следующие, перечисленные в порядке убывания важности вещи: «дрова, еда, табак, свечи и…» – в самую последнюю очередь – «…противник»

. У подразделений ПОУМ не было советского оружия, поэтому ополченцы оказались не в состоянии начать наступление на позиции фашистов. Не говоря уже о современном оружии, у ополченцев не было военной формы, касок, штыков, биноклей, карт и фонариков. Оруэллу выдали винтовку Маузера образца 1896 года. Он был возмущен ощущением бесполезности и бездействия, проклиная фронт теми же словами, которыми описывал атмосферу уныния и скуки семьи Комсток в романе «Да здравствует фикус!»: «Никогда ничего не происходило»

. Командир его батальона бельгиец Георгес Копп говорил своим подчиненным: «Это не война. Это комическая опера, в которой иногда кто-то умирает»

. Однако в траншеях Оруэлл почувствовал новый вид равноправия, подобие которому он ранее наблюдал среди бомжей, что в конце концов и сделало из него социалиста. Он «дышал воздухом равенства»

. Позднее писатель подчеркивал, что, несмотря ни на что, благодаря этому чувству он покинул Испанию «с не меньшей, а с большей верой в порядочность людей»

.

Другим, более материальным утешением стали посылки с шоколадом, сигарами и чаем из магазина Fortnum & Mason, которые он стал получать от жены Эйлин, она приехала в феврале в Испанию и начала работать секретаршей Джона

Макнейра в Барселоне. Оруэлл познакомился с Эйлин на вечеринке в 1935 году, и они поженились за восемь месяцев до его отъезда в Испанию. Во многих смыслах они с Эйлин были идеальной парой. Оба были щедрыми, эмоционально сдержанными, склонными периодически пребывать в мрачном настроении и были наделены ироничным чувством юмора. Оба страстно любили природу и литературу, были неприхотливыми в смысле еды и одежды, не заботились о своем здоровье и внешнем виде, и оба постоянно курили. У обоих были твердые жизненные принципы, и оба были достаточно смелыми для того, чтобы от них не отступаться. А вот амбиции у них были разные. Эйлин была очень умной женщиной, закончила Оксфордский университет, пользовалась заслуженным уважением окружающих, но подчинила свои собственные стремления амбициям и желаниям Оруэлла. Она ушла из магистратуры, в которой изучала педагогическую психологию, чтобы жить с мужем в коттедже с магазином в деревне Воллингтон в графстве Хартфордшир. Один из их друзей говорил: «Она заразилась мечтами Джорджа, как корью»

.

В апреле, когда ополченцы начали наступление на позиции фашистов, Оруэлл наконец получил свое боевое крещение. Он показал свой характер, встав из траншеи под открытым огнем противника и закричав: «Ну, давайте, сволота!»

, на что один из добровольцев посоветовал ему: «Эрик, бога ради, да пригнись же!» После долгих и утомительных недель затишья стали проявляться эксцентричные черты его характера. Так, во время наступления он не стал стрелять в фашиста, который поддерживал руками штаны после посещения туалета, и следовательно, был «таким же собратом, настолько похожим на нас, что рука не поднималась его убить»

. При этом его настолько вывела из себя крыса, что он ее застрелил

. Выстрел Оруэлла всполошил противника, завязалась перестрелка, в которой ополченцы потеряли два автобуса и домик-кухню. «Больше всего я ненавижу, когда по мне в темноте бегает крыса»

, – писал он тогда, предвосхищая сцену в конце романа, в которой крысы сломили дух главного героя. Кстати, крысы упоминаются в восьми из девяти книг писателя.

Несмотря на чувство товарищества, нельзя сказать, что Оруэлл безумно любил службу в военных формированиях ПОУМ. Частично это объясняется его страстью к противоречию и желанию занимать позиции, отличные от позиций большинства. «Политическая сторона вой ны вызывала у меня скуку, и я, естественно, выступал против точки зрения, которую слышал чаще всего»

. Он считал, что коммунисты организовали военное дело гораздо более эффективно. Как романтик он стремился поддерживать самую слабую сторону, однако в нем было прагматичное стремление к упешному продвижению и разрешению ситуации. Даже спустя много лет он продолжал верить в то, что руководство ПОУМ справедливо считало, что только революция могла бы привести к военной победе.

В конце апреля он получил несколько дней отпуска, который провел с Эйлин в Барселоне и во время которого планировал уйти из частей ПОУМ и перейти в интернациональные бригады, чтобы сражаться под Мадридом, где шли активные боевые действия. Ополченцы ПОУМ говорили Оруэллу, что переходить в интернациональные бригады глупо, так как коммунисты сразу его убьют, но писатель не изменил своего решения. Лишь позднее он понял, насколько ему повезло – ведь он мог выступать против линии партии без каких-либо последствий для своей жизни. Он даже не представлял, насколько опасной стала для него Барселона. Вскоре Оруэллу предстояло понять, что политическая ситуация сильно изменилась.

Незадолго до возвращения Оруэлла в Барселону в городе побывал Ричард Риз, который направлялся в Мадрид, где должен был служить водителем «скорой помощи» у республиканцев. Он увиделся с Эйлин в офисе ПОУМ. Сперва Риз подумал, что та ведет себя рассеянно и невнимательно из-за того, что волнуется за мужа, но потом понял причину ее странного поведения: «Она была первым человеком, у которого я наблюдал последствия жизни в условиях политического террора»

.

Франц Боркенау снова побывал в Барселоне в январе и увидел, что город сильно изменился с сентября, когда он был там в прошлый раз. Если ранее он во время поездки по территории республиканской Испании мог высказывать любые мнения, то на этот раз любая высказанная критика или сомнения могли иметь тяжелые последствия. Боркенау писал: «Неприятную атмосферу подозрительности и угрозы сложно передать тем, кто ее лично не пережил»

. ПОУМ «всем активно разонравился»

, представителей этой организации заклеймили троцкистами. Обвинение в троцкизме в советских судах тех лет означало смертный приговор. При этом, по словам Боркенау, то, что сам Троцкий осуждал политику ПОУМ, уже не имело никакого значения: «Для коммунистов понятие “троцкист” означало человека, которого надо расстрелять»

. В феврале главный военный советник СССР в испанской республике Ян Берзин так писал в Москву о ПОУМ: «Невозможно выиграть войну против мятежников, если не ликвидировать этих мерзавцев в рядах республиканского лагеря»

.

Оруэлл моментально почувствовал в городе «безошибочное и ужасное ощущение ненависти и политического противостояния»

. Революционная солидарность исчезла вместе с очередями за продуктами, черным рынком, ресторанами и ночными клубами. Все, с кем общался писатель, считали, что вскоре должны начаться чистки. Однажды утром в лобби отеля Continental Оруэлл познакомился с известным американским писателем Джоном Дос Пассосом, который приехал в Испанию вместе с Хемингуэем, чтобы снять документальный пропагандистский фильм об Испании, и искал исчезнувшего куда-то своего переводчика Хосе Роблеса. Дос Пассос заметил, что у жителей Барселоны был «затравленный вид, следуя по своим делам, они оглядывались через плечо, а магазины были закрыты»

. Сидя с Пассосом в плетеных креслах и попивая вермут, Оурэлл обсудил с писателем впечатления о том, как в Испании появился сталинизм. Дос Пассос был рад, что наконец имеет возможность «поговорить с честным человеком»

, таких в то время в стране было непросто найти.

3 мая, по словам Оруэлла, «зажгли спичку, чтобы поджечь фитиль бомбы»

. В этот день верные коммунистам военные части взяли штурмом коммутационную телефонную станцию, которую контролировали части анархистов, после чего в течение пяти дней в городе шли бои, вошедшие в историю под названием майских событий. Три из этих пяти дней Оруэлл с винтовкой в руках провел на крыше кинотеатра Poliorama, защищая штаб-квартиру ПОУМ, расположенную на противоположной стороне улицы. С крыши он видел, что коммунисты контролировали район к востоку от пешеходной улицы Ramblas, а анархисты держали западную часть города. На кафе, отелях и офисных зданиях появились флаги враждующих военных группировок, а сами здания превратились в опорные пункты обороны.

Расположенный на улице Ramblas отель Continental считался нейтральной территорией. В отеле собрались журналисты, иностранные агенты, дезертиры и застрявшие в городе французы (водители грузовиков). В отеле Оруэлл заметил толстого русского, известного под кличкой Чарли Чан. Этот агент НКВД рассказывал встречным и поперечным о том, что путч анархистов против республики выгоден только Франко. «Впервые в жизни я увидел человека, профессия которого заключалась в том, чтобы лгать. Если, конечно, не считать журналистов»

, – писал Оруэлл.

В боях были убиты сотни людей, и после прекращения огня эта ложь появилась на стенах домов в виде плакатов с текстом «Сорвать маску»

. На плакатах было изображено лицо, с которого срывают маску с изображением серпа и молота, под которой оказывается голова со свастикой. Так пропаганда

изображала ПОУМ. В «Бирманских днях» невинный доктор Верасвами превращен в Троцкого (это ранняя версия еретика Эммануэля Голдстейна из романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый»): «Если послушать то, что говорили про доктора, то можно было бы подумать, что он впитал в себя все качества Макиавелли, демона-парикмахера Суини Тодда и маркиза де Сада»

. Так пропаганда превратила ПОУМ в «троцкистских фашистов». В ответ радиостанция ПОУМ Radio Verdad использовала следующий слоган: «Единственная радиостанция, исходящая из реальности, а не из выдумки»

. Тем не менее «выдумки» оказывались сильнее правды.

Оруэлла не удивило, что напряжение между различными фракциями вылились в вооруженный конфликт. Однако он совершенно не мог предвидеть, а также простить обман и искажение фактов, которые стали происходить потом. Коммунисты утверждали, что раскрыли подрывную организацию, передававшую информацию фашистам при помощи секретных радиостанций и посланий, написанных невидимыми чернилами. Коммунисты также говорили, что враждебные им фракции планировали убийство руководителей республики. Все это было настолько наглой ложью, что население решило, что все эти утверждения – чистая правда, так как никто не мог предположить, что коммунисты в состоянии придумать такую откровенную клевету. Франко, который только выигрывал от раздора среди левых, подтвердил, что ПОУМ были его шпионами. Учредили специальный трибунал, судивший за измену и предательство. Началась цензура газет. Арестовали тысячи анархистов и членов профсоюзов. Среди населения воцарился страх.

Оруэлла расстроило также и то, что печатные органы иностранных компартий, как, например, Daily Worker, полностью поддержали позицию СССР. «Одним из самых горьких выводов, который я сделал после этой войны, был тот, что левая пресса такая же нечестная и фальшивая, как и правая»

, – писал он, сделав лишь одно исключение – для The Manchester Guardian. Оруэлл писал Голланцу о том, что необходимо написать книгу, чтобы донести до людей правду: «Надеюсь, мне удастся рассказать правду о том, что я видел. То, что пишут в английских газетах, является большей частью наглой ложью»

. На самом деле пропаганда на территории, контролируемой франкистами, была еще более лживой. В СМИ утверждали, что республиканцы насилуют монахинь, скармливают пленных зверям в зоопарке и не убирают горы трупов на улицах. Один американский корреспондент писал о том, что в столице франкистов городе Саламанка обман достиг масштабов «психической болезни»

. Идеализм Стивена Спендера исчез спустя всего несколько недель членства в испанской компартии, после чего поэт пережил озарение по поводу человеческой природы: «Суть в том, что практически все люди только спорадически понимают реальность. Для них являются реальными лишь некоторые вещи, иллюстрирующие их собственные интересы и идеи, все остальное кажется им далекой абстракцией»

. Спендер не исключал себя из этого правила: «Я с ужасом постепенно понял, как работает мой собственный ум»

.

После майских боев Оруэлл почувствовал, что в данной ситуации не может изменить ПОУМ, и вернулся на арагонский фронт. Впрочем, на фронте он пробыл недолго. Писатель был гораздо выше большинства испанцев, и его голова высовывалась из-за бруствера траншеи[5 - Рост Эрика Блэра – 1 м 88 см.]. Каждое утро он любил, стоя в траншее, выкурить первую сигарету. Когда однажды ополченец из США Гарри Милтон спросил Оруэлла, не считает ли тот, что представляет собой отличную мишень для снайпера, тот ответил, что те на таком расстоянии «не попадут и в быка»

. На рассвете 20 мая пуля снайпера попала Оруэллу в горло чуть ниже гортани, пройдя в миллиметрах от сонной артерии и временно парализовав один из нервов, идущих к голосовым связкам[6 - Вполне возможно, что это ранение спасло писателю жизнь, потому что позволило ему покинуть передовую за несколько недель до начала наступления республиканцев под городом Уэска. В результате этого неудачного наступления погибло около 9000 анархистов и членов ПОУМ.]. Оруэлл был уверен, что умирает. Истекая кровью в траншее, его первой мыслью была мысль об Эйлин, второй: «Страшное сожаление о том, что

придется покинуть этот мир, который, в конечном счете, так мне подходит… Эта глупая неудача меня бесила. Как все это бессмысленно!»

Последующие три недели Оруэлл провел в больнице. Для него война закончилась, но для демобилизации ему нужно было получить подпись врача на передовой. К тому времени, когда 20 июня он вернулся в Барселону, начались репрессии. Как только Оруэлл вошел в отель Continental, Эйлин взяла его за руку и прошептала: «Уходим отсюда»

.

После майских событий ушел с поста премьер-министра Франсиско Ларго Кабальеро, который был противником репрессий против членов ПОУМ. ПОУМ объявили вне закона, о чем узнавал любой возвращавшийся с фронта член этой организации. Арестовали командира батальона Оруэлла Георгеса Коппа. Молодой член Независимой рабочей партии Боб Смилли («лучший из всех»

, по словам писателя) умер в республиканской тюрьме в Валенсии. Макнейр и Коттман из Независимой рабочей партии ушли в подполье. Андреу Нин исчез, а о его судьбе вскоре появилась очередная ложь. Нина схватили агенты НКВД, пытали (в отчете писали, что «его лицо превратилось в бесформенную массу»

), убили, после чего инсценировали его захват переодетыми в форму гестапо немцами – членами интернациональных бригад, для того чтобы потом говорить, что Нин жив и здоров в Саламанке или Берлине (все очень похоже на судьбу Снежки из романа «Скотный двор», о котором говорили, что тот живет на ферме мистера Фредерика).

В Барселоне во время репрессий Оруэлл первый и единственный раз в жизни лично ощутил «атмосферу кошмара»

, переданную в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». В этой удушающей атмосфере слухов, паранойи и клеветы «даже в ситуации, когда человек не был заговорщиком, он все равно себя таковым ощущал»

. Даже когда не происходило ничего плохого, угроза того, что что-то может произойти, была совершенно невыносимой. Комнату Оруэлла и Эйлин в отеле обыскали, и был выписан ордер на их арест. В 1980-х были найдены написанные агентами НКВД и испанских спецслужб документы, в которых супругов описывали как «отъявленных троцкистов»

, вьющих нити заговора с врагами Москвы.

Спустя три дня, во время которых Оруэлл бродил по улицам, стараясь выглядеть незаметным, и ночевал где попало, ему, Эйлин, Коттману и Макнейру удалось получить из британского консульства документы, позволяющие утренним поездом выехать во Францию. Оруэлл писал своему другу Райнеру Хеппенсталлю: «Это была очень странная история. Все началось с того, что мы были героическими защитниками демократии, а закончилось тем, что мы перешли границу, когда за нами гналась полиция. Эйлин была прекрасна, мне кажется, что ей все это даже понравилось»

. В приграничном французском городке Перпиньян они повстречали Феннера Броквея, который направлялся в Испанию, чтобы добиться освобождения заключенных в тюрьму членов Независимой рабочей партии. «Это был единственный раз, когда я видел его злым»

, – вспоминал Броквей.

В Испанию Оруэлла привела ненависть к фашизму, но спустя полгода он уехал из страны с чувством ненависти к другому противнику. Поведение фашистов было вполне предсказуемым, но вот жестокость и ложь коммунистов его сильно удивили. Его товарищ из НРП Джек Брентвейт вспоминал: «Он раньше говорил, что все, что говорят про коммунистов, – капиталистическая пропаганда, но тогда заметил мне: “Знаешь, Джек, все это правда”»

.

«Практически каждый работавший в Испании журналист, – писал американский репортер Фрэнк Ханинген, – становился другим человеком после того, как пересекал Пиренеи»

. Именно это и случилось с Оруэллом. В разные периоды он считал, что пребывание в Испании является захватывающим, скучным, вдохновляющим, ужасным, и, в конце концов, очень полезным в смысле достижения понимания ситуации. «Война в Испании и события 1936–1937-го перевесили чашу весов, после этого я точно знал, что к чему, – писал он через десять лет перед тем, как приступил к работе над романом «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». – Каждая строчка, написанная мной начиная с 1936 года, прямо или косвенно направлена против тоталитаризма и за тот демократический социализм, каким я его понимаю»

.

Заключительным актом процесса потери наивности была вера в то, что его старые коллеги захотят опубликовать сделанные им во время войны выводы. Голланц не захотел издать его книгу, а Кингсли Мартин из The New Statesman & Society отказался публиковать не только его эссе про войну, но и рецензию на книгу Боркенау «Кабина испанского пилота», в которой Оруэлл пытался протолкнуть основные мысли. Когда писателю удалось опубликовать эссе в New English Weekly Филипа Майре, название его статьи гласило: «Правда об Испании». «Существует самый настоящий заговор… с целью того, чтобы никто не понял ситуацию в Испании, – писал он. – Те, кто вообще-то должен понимать положение вещей, позволили себя обмануть, объясняя это тем, что, если кто-то расскажет правду об Испании, это будет фашистской пропагандой»

.

На самом деле Оруэлла бесило не только это (ведь ложь во время войны почти так же повсеместна, как трупы и вши). Он терпеть не мог, когда что-то прикрывают и скрывают. В его понимании такие слова, как «обман»,

«жульничество» и «шантаж», были самыми ругательными. Именно поэтому ему не понравилось отношение Голланца и Мартина. Замалчивание правды ради какой-то краткосрочной выгоды можно сравнить с введением чрезвычайного положения, то есть ситуации, при которой временная отмена гражданских прав легко может стать постоянной. Информация о том, что внутри одной войны шла другая грязная война, было определенной лакмусовой бумажкой, тестом, который левые в Великобритании не смогли пройти, потому что больше верили тоталитарной пропаганде. А он ожидал, что левые окажутся немного мудрее и прозорливее.

Правда для Оруэлла была важна именно в ситуациях, когда она не была удобной и приятной. В своих ранних эссе он ради художественного стиля использовал и облагораживал анекдоты и упускал некоторые неприятные факты, но в «Памяти Каталонии» старался писать максимально объективно и не шел на сделки с собственной совестью. Он писал, что без понимания того, что реальность достигается посредством консенсуса, «не может быть спора, невозможно будет достигнуть минимально необходимого соглашения»

. Оруэлл был достаточно прозорлив, чтобы понимать, что далеко не всегда можно найти объективную правду, но, если даже не предполагать, что она существует, то дело будет совсем плохо. «У меня появилось чувство, что правдивую историю этой войны так никогда и не напишут, – отмечал он много лет спустя. – Реальных цифр и объективных описаний того, что произошло, просто не существует»

. Именно это он имел в виду под фразой «История остановилась», которая неоднократно встречается в тексте романа «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый». Когда главным арбитром реальности являются сила и власть, победители сделают все возможное, чтобы превратить ложь в правду.

По крайней мере, до определенной степени. Обман режима рано или поздно выплывет наружу. Боркенау обратил внимание на то, что начавшие обманывать окружающих испанские коммунисты обманули в конечном счете самих себя. Паранойя привела к поискам козлов отпущения, чисткам и ухудшению морального состояния, а преувеличения коммунистической пропаганды – к поражениям на фронте. В СССР те, кто врал, превратились в тех, о ком врали. Большинство ведущих русских участников конфликта в Испании расстреляли или посадили. Военного советника Берзина, рекомендовавшего ликвидировать

членов ПОУМ, обвинили в шпионаже и расстреляли на Лубянке.

Благодаря помощи Феннера Броквея Оруэллу удалось найти издателя для своей книги «Памяти Каталонии». Это было молодое издательство Secker & Warburg, занимавшее антисталинистские позиции и готовое пропагандировать альтернативное мнение. Один из директоров издательства, Фредерик Варбург, писал в мемуарах: «Я хотел найти и поддержать писателей, которые предлагали план достижения утопии и программу осуществления этого плана. Но я не был уверен в том, какие из этих планов и программ выводят в страну обетованную, что можно считать очком в мою пользу»

.

«Памяти Каталонии» является лучшей документальной прозой Оруэлла. Книга была опубликована 25 апреля 1938-го, через год после выхода «Дороги на Уиган-Пирс». «Памяти Каталонии» – более мудрое, спокойное, щедрое и полное смирения произведение. Филип Майре писал: «Эта книга демонстрирует невинное сердце революции, а также и то, что это сердце в гораздо большей степени убивают миазмы лжи, а не жестокость»

. Со временем она стала чуть ли ни важнейшим изданием, описывающим события гражданской войны в Испании, но в то время являлась всего лишь одним из многочисленных произведений на эту тему. Тираж издания составлял полторы тысячи экземпляров, из которых распродали всего половину. Английские коммунисты назвали книгу в лучшем случае сумбурной, в худшем – предательской, льющей воду на мельницу Франко. Оруэлл флегматично относился к плохим рецензиям, считая, что даже плохие рецензии работают на продвижение. Кроме того, он совершенно не отрицал субъективность своих позиций: «Я предупреждаю всех о том, что у меня есть предубежденность, а также о возможных ошибках. Тем не менее я сделал все возможное, чтобы быть честным»

, – писал он. Он считал, что за правду надо бороться, и поэтому писал жалобы на книжные рецензии, в которых клеветали на его старых боевых товарищей. Возможно, что в книге он преувеличил свои симпатии к ПОУМ, но сделал это исключительно потому, что никто не выступал за тех, кого обвиняли в грехах, которые они не совершали. «Если бы меня это не разозлило, я бы вообще

никогда не написал эту книгу»

, – писал он позднее.

Переселившийся в Англию Боркенау написал Оруэллу письмо с одобрительным отзывом на книгу, в котором были такие строки: «Для меня ваша книга является очередным подтверждением моего убеждения в том, что можно быть совершенно честным по поводу приводимых фактов вне зависимости от занимаемой политической позиции»

. Чувство уважения между писателями было взаимным. Оруэлл хвалил книгу «Кабина испанского пилота», написав про нее, кроме прочего, следующую типичную для него метафору технофоба: «Как приятно слышать человеческий голос среди воя пятидесяти тысяч играющих одну и туже мелодию граммофонов»

. Позднее он назвал труд Боркенау «Коммунистический Интернационал» «книгой в большей степени, чем все остальные, познакомившей меня с общим ходом революции». В 1929 году Боркенау вышел из немецкой компартии в знак протеста против политики Сталина, финансово поддерживал антинацистскую партию и разработал одну из ранних теорий тоталитаризма. Он писал: «Цивилизация неизбежно исчезнет не из-за существования определенных ограничений свободы мысли… а из-за тотального подчинения мыслей людей приказам партии»

. Всего лишь один человек высказал предположение о том, что Оруэлл одобрял коммунизм. Когда писатель в конце 1920-х бомжевал в Париже, он периодически навещал свою тетю Нелли Лимузин и ее сожителя Юджина Адама. Адам и его друг Луис Банньер были в прошлом коммунистами, а потом стали большими поклонниками эсперанто – языка международного общения, которым интересовались Гитлер и Сталин. Позднее Банньер утверждал, что помнит спор, произошедший между Адамом и молодым Оруэллом, «утверждавшим, что советская система является примером высшей стадии социализма»

. Это утверждение противоречит всему тому, что писал сам Оруэлл. Сложно сказать, является эта история правдивой или нет, но, возможно, Адам был первым человеком, страстно рассказавшим молодому писателю о коммунизме.

В годы после гражданской войны в Испании многие из любимых писателей Оруэлла были бывшими коммунистами. Это австриец Боркенау и британец венгерского происхождения Кёстлер, итальянец Иньяцио Силоне, русский Виктор Серж, американцы Макс Истмен и Юджин Лайонс, французы Андре Жид, Борис Суварин и Андре Мальро. Все эти люди поняли, что такое коммунизм, таким же способом, как и он империализм, – изнутри. О сталинском режиме Оруэлл узнал из книг Жида «Возвращение из СССР» (Retour de l'U.R.S.S.) и Суварина «Кошмар в СССР» (Cauchemar en U.R.S.S.). Многие аспекты деятельности Сталина, подробности и анекдоты попали в роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый»: культ личности, переписывание истории, отсутствие свободы слова, отказ от объективной правды, отголоски испанской инквизиции, произвольные и необоснованные аресты, выбивание признания пытками, а также удушающая атмосфера подозрения, самоцензуры и страха.

Вот пример из романа. Уинстон Смит обнаруживает фотографию, доказывающую, что Джонс, Аронсон и Резерфорд, которых все считают предателями, в день своего признания были, оказывается, не в Евразии, а в Нью-Йорке. Оруэлл читал о случаях, когда написанные под диктовку признания противоречили реальным фактам. Одного из «врагов народа» сфотографировали на конференции в Брюсселе в тот же самый день, когда тот «во всем признался» в Москве. Другой «враг народа» говорил, что встречался с Троцким в Копенгагене в отеле, который, как выяснилось, снесли пятнадцатью годами ранее.

Оруэлл не только уважал этих авторов за предоставленную ими важную информацию. Критика этими авторами Сталина обуславливалась личным стыдом и желанием искупить свою доверчивость или соучастие при помощи текстов, которые Оруэлл называл «литературой разочарования»

. Бывшие коммунисты в порыве откровения первой ереси писали с подкупающей убедительностью. Кроме того, их одиночество казалось ему героическим. Оруэлл с одобрением писал, что Силоне «был одним из тех, кого коммунисты считали фашистами, а фашисты – коммунистами, член небольшого, но растущего сообщества людей»

.

Почему Оруэлл более активно критиковал коммунизм, а не фашизм? Потому что у него было больше опыта общения с коммунистами и потому что привлекательность коммунизма казалась ему более обманчивой. Обе идеологии вели к тоталитаризму, но коммунизм начинал с более благородных целей, чем фашизм, и поэтому для поддержания веры в него требовалось больше лжи. Коммунизм становился «формой социализма, делающей невозможной умственную честность»

, а его литература становилась «механизмом оправдания ошибок»

. Оруэлл лично не знал ни одного фашиста и с презрением относился к поэту Эзре Паунду и основателю Британского союза фашистов Освальду Мосли, речь которого слышал в 1 936-м в городке Барнсли, после чего писал: «Несмотря на то что его речь была произнесена в ораторском смысле прекрасно, говорил он совершенную ерунду»[7 - Это не означало, что Оруэлл считал Мосли безобидным. «Стоит следить за Мосли, опыт показывает (vide / см. карьеры Гитлера и Наполеона III), что для политического лидера иногда является преимуществом то, что его не воспринимают слишком серьезно в начале его карьеры»

.]

. Оруэлл знал многих коммунистов. В среде литературной интеллигенции фашизм не пользовался большой популярностью, в то время как коммунизм «обладал практически неотразимой привлекательностью для любого писателя в возрасте до сорока»

. Оруэлл был все еще возмущен этим лицемерием, когда в романе «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» писал, что зверства 1930-х «терпели и защищали даже те, кто считал себя просвещенным и прогрессивным»

.

Бывшие коммунисты сломали логическую цепочку, связывавшую большую часть левых со Сталиным: я верю в социализм – СССР является единственным социалистическим государством, следовательно, я верю в СССР. У Оруэлла по этому поводу было два возражения. Во-первых, любые, даже самые утопические цели не оправдывают жестокие средства, во-вторых, сталинистская Россия не являлась по-настоящему социалистической страной, так как в ней не было свободы и справедливости. Кроме этого писатель в интеллектуальном, социальном и эмоциональном смыслах никогда не «вкладывался» и не верил в русский эксперимент. Те, кто это делал, оказались в ситуации экзистенциального кризиса.

Одним из таких людей был Юджин Лайонс – иммигрант еврейского происхождения из России, выросший в бедных районах Нью-Йорка и ставший журналистом, писавшим для СМИ социалистической ориентации. В 1922 году он стал коммунистом, после чего от его услуг отказались многие газеты либерального толка. В период с 1928-го по 1934-й он был представителем United Press в Москве и писал для американских читателей об СССР. Изначально он был сторонником Сталина и первым западным журналистом, взявшим у него интервью, но потом ему стала омерзительна пропаганда, преследования и ложь, в которой он в качестве журналиста принимал участие. В июне 1938 года Оруэлл написал рецензию на эпическое покаяние Лайонса, в которой обратил внимание на призыв Сталина закончить первую пятилетку за четыре года:

В моей голове мгновенно появилась формула: 2 + 2 = 5. Сама идея казалась мне смелой и одновременно нелепой – отважной и отражающей парадоксальную и трагическую абсурдность происходящего в СССР, характеризующейся мистической простотой, отрицанием логики, изведенной до убийственной арифметики… 2 + 2 = 5, формула, написанная электрическими лампами на фасадах московских домов, огромными буквами на рекламных щитах, осознанная ошибка, гипербола извращенного оптимизма, что-то ребячески упорное и трогательно творческое

.

Спустя несколько месяцев Оруэлл начал сам использовать это нереальное уравнение. В рецензии на книгу Бертрана Рассела «Власть: новый социальный

анализ» Оруэлл усомнился в представлении о том, что здравый смысл победит (в целом рецензия была положительной). «Кошмар настоящей ситуации заключается в том, что мы не можем быть уверены в том, что так оно и будет. Вполне возможно, что мы идем к временам, когда “два плюс два будет пять”, если так говорит Вождь… Стоит только вспомнить о зловещих возможностях радио, образования и науки в условиях государственного контроля над ними, чтобы понять, что “правда восторжествует” – всего лишь желание, а не аксиома»

.

Оруэлл наверняка обратил внимание на описание Лайонсом последствий, с которыми тот столкнулся после своего «предательства». После возвращения в Нью-Йорк он долго мучился над вопросом о том, стоит ли быть честным по поводу всего того, что ему пришлось увидеть в России. Рассказать правду – это моральное обязательство, результатом которого было бы социальное самоубийство. Лайонс сделал свой выбор, после чего от него отреклись все его старые товарищи. Для тех, кто свято верил в социализм, обличение Сталина было непростительным духовным предательством. «Я был виновен в самом страшном злодеянии – уничтожении благородных заблуждений»

, – писал Лайонс. Мифическую Россию надо было любой ценой оградить от варварской реальности. «Многие уставшие, скучающие или панически настроенные американцы нашли свой духовный приют в ее чертогах, поэтому все те, кто подрывал основы этих чертогов, становился бессовестным вандалом. Вполне возможно, что он таковым и был»

.

Книга Лайонса, которую рецензировал Оруэлл, называлась «Командировка в утопию».

2

Утопическая лихорадка. Оруэлл и оптимисты

Какое веселое, наверное, время было в те полные надежд 80-е. Тогда можно было трудиться ради самых всевозможных целей – и какой тогда был выбор целей! Кто бы мог предположить, к чему все это приведет?

Джордж Оруэлл, The Adelphi, май 1940

«Карта мира, на которой нет Утопии, не стоит того, чтобы бросить на нее даже взгляда, – писал Оскар Уайльд в 1891 году в эссе «Душа человека при социализме». – Прогресс – это претворение в жизнь Утопий»

. Ответом Оруэлла на это было: «Да, но…» Ему нравилась идея утопии в качестве вдохновляющего средства для излечения пессимизма и осмотрительности, однако все попытки описать утопию его не вдохновляли, а стремление ее построить казалось губительным. В рождественском выпуске Tribune 1943-го под псевдонимом Джона Фримана вышло его эссе «Могут ли социалисты быть счастливыми?». В этом эссе не ощущалось радости, которую читатель чувствует в конце «Рождественской песни в прозе» Чарльза Диккенса. Оруэлл писал, что состояние «перманентного счастья»

утопий кажется ему неубедительным. По его мнению, люди боролись и умирали за социализм из-за его идеала братства, а не представления об «освещенном яркими огнями рае с центральным отоплением и кондиционерами»

. Бесспорно, мир можно и нужно улучшить, но его невозможно сделать идеальным. «Тот, кто пытается представить себе что-то идеальное, сталкивается со своей собственной пустотой»

.

Утопии появились раньше дистопий или антиутопий, точно также как рай появился раньше ада. Надо отдать человечеству должное за то, что люди начали

мечтать об идеальном обществе задолго до того, как решили придумать его полную противоположность. Первые мысли об утопии были заложены в диалогах Платона «Государство», идеи которых легли в основу «Утопии» Томаса Мора, вышедшей в 1516 году. Слово «утопия» создано на основе греческих слов ou (нет) и topos (место), то есть получается, что утопия – это место, которого не существует. Однако звук ou можно легко перепутать со звуком eu (хороший). Мы не знаем, была ли это осознанная шутка Мора, но слово «утопия» обрело конкретный смысл: «рай на земле». В политике прижилось последнее значение этого слова, но в литературе этого долго не происходило, и поэтому Оруэлл мог считать роман «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» «утопией». Писатель различал «благоприятные» и «пессимистические» утопии, но ему не пришло в голову назвать последние «дистопиями». Несмотря на то что впервые понятие «дистопия» (буквально «нехорошее место») Джон Стюарт Милль употребил еще в 1868 году, оно в течение почти столетия практически не использовалось. (Более употребимым было понятие какотопия (cacotopia), буквально «плохое место», которое ввел Иеремия Бентам.) И только в 1960-е годы «дистопия» наконец завоевала популярность. Получается, что роман Оруэлла стал олицетворять слово, которое сам писатель никогда не использовал.

Надо сказать, что Оруэлл был прекрасно знаком с литературой, в которой описывались утопии. Писатель неоднократно упоминал вышедшее в 1872 году сатирическое произведение Сэмюеля Батлера «Едгин»[8 - Erewhon (англ.) – анаграмма слова «нигде». – Примеч. перев.], социалистическую фантазию «Вести ниоткуда» (1890) Уильяма Морриса, а также многочисленные произведения Герберта Джорджа Уэллса. Однако он далеко не всегда считал, что утопический сюжет может быть основой для хорошего худлита. В эссе «Путешествия Гулливера» уточнял: «Описать счастье катастрофически сложно, а описания справедливого и хорошо организованного общества редко оказываются привлекательными или убедительными»

. Еще в «Фунтах лиха в Париже и Лондоне» он рассуждал о том, что обещание «какой-то марксистской утопии»

является препятствием на пути социализма. В глубине души Оруэлл считал, что утопии скучны и безрадостны, и не думал, что люди хотели бы жить при таком общественном порядке. В эссе 1941 года «Искусство Дональда Макгилла» он писал: «В целом люди хотят быть хорошими, но не слишком хорошими и не постоянно»

.

Учитывая интересы писателя, кажется весьма странным, что в его работах и записях нет упоминаний книги, которая превратила представление о построении идеального общества в культурный феномен конца XIX века. Во всех изданных трудах Оруэлла мы не находим ни одного упоминания писателя и журналиста Эдварда Беллами.

В августе 1887 года Эдвард Беллами был малоизвестным автором и журналистом из Массачусетса. В тот год ему было тридцать семь лет, он был серьезным и чувствительным человеком с грустным выражением лица, гигантскими усами, серьезным и чувствительным моралистом. Суфражистка Франсис Уиллард писала, что он был «тихим, но наблюдательным, скромным, но самовлюбленным, обладающим вкрадчивым мягким голосом и при этом ярким характером, а еще он всегда стремился достичь цели, какой бы она ни была»

. Анализируя ситуацию в США в конце позапрошлого века, Беллами пришел к выводу, что «нация стала нервной, желчной и находится в подавленном состоянии»

из-за чудовищного неравноправия. Несколько семей миллионеров контролировали экономику, а рабочий класс трудился шестьдесят часов в неделю, зарабатывая гроши на фабриках с минимальной системой безопасности и охраны труда и проживая в грязных трущобах. Технологический прогресс шел семимильными шагами (появились электрические лампочки, фонограф, телефон), но производство отравляло реки и воздушную атмосферу. Периоды бурного экономического роста сменялись кризисами и рецессиями, и производство периодически останавливалось из-за забастовок рабочих.

Беллами считал такую ситуацию не только несправедливой, но и недостойной человеческого существования. Он считал, что живет в переломный период, в котором изменения в худшую или в лучшую сторону являются совершенно неизбежными. Судьба Америки должна была решить судьбу всего мира. «Будем иметь в виду то, что если это закончится провалом, то это будет финальный и окончательный провал, – писал он. – Мы уже не откроем новых миров и

континентов для того, чтобы начать на них новые предприятия»

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее цитаты из романа Дж. Оруэлла «Тысяча девятьсот восемьдесят четвертый» приводятся в переводе Виктора Голышева.

2

Полное собрание сочинений Джорджа Оруэлла состоит из 21 тома, в собрании почти девять тысяч страниц и два миллиона слов.

3

Перевод Веры Домитеевой. – Примеч. перев.

4

Для объединения преимуществ города и деревни, чтобы избежать недостатков и того, и другого. – Примеч. перев.

5

Рост Эрика Блэра – 1 м 88 см.

6

Вполне возможно, что это ранение спасло писателю жизнь, потому что позволило ему покинуть передовую за несколько недель до начала наступления республиканцев под городом Уэска. В результате этого неудачного наступления погибло около 9000 анархистов и членов ПОУМ.

7

Это не означало, что Оруэлл считал Мосли безобидным. «Стоит следить за Мосли, опыт показывает (vide / см. карьеры Гитлера и Наполеона III), что для политического лидера иногда является преимуществом то, что его не воспринимают слишком серьезно в начале его карьеры»

.

8

Erewhon (англ.) – анаграмма слова «нигде». – Примеч. перев.

Купить: https://tellnovel.com/linski_dorian/ministerstvo-pravdy-kak-roman-1984-stal-kul-turnym-kodom-pokoleniy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити